

Рос. муз. газета. - 1997. - № 7-8. - С. 12.

КРАСНОЕ, ЧЕРНОЕ, МАТИСС...

В сценической истории произведений Шостаковича есть забы-

тая, но весьма примечательная страница. Речь идет о спектакле

Леонида Мясина "Красное и черное" на музыку Первой симфонии Дмитрия Шостаковича. Премьера балета состоялась 11 мая 1939 года — обратим особое внимание на дату! Исполняла постановку труппа Монте-Карло, которой руководил Мясин и которую он поднял до высот мировой славы. Предшественниками Мясина в танцевальном истолковании непрограммной симфонической музыки были А. Горский (Пятая симфония Глазунова) и Ф. Лопухов ("Величие мироздания" по Четвертой симфонии Бетховена). Современник Мясина Дж. Балланчин упрочил традицию танцевальных симфоний — не даром он был профессиональным музыкантом. Сам Мясин поставил балеты "Предзнаменования" (1933, Пятая симфония Чайковского), "Хореатрум" (1933, Четвертая Брамса), "Фантастическая симфония" Берлиоза (1936), Седьмая симфония Бетховена, "Лабиринт" по Симфонии до мажор Шуберта. И, наконец, первая часть Седьмой симфонии Шостаковича в 1945-м...

Обращение Мясина к музыке Шостаковича вписано в контекст европейской хореографической культуры 30—40-х годов. И в музыкальный контекст тоже — наряду с Шостаковичем, Мясин обращался к опусам Стравинского,

Прокофьева, Хиндемита, Гершвина, Орика, Соге, Маннини, Н. Набокова...

Вот как сам хореограф изложил сценарий "Красного и черного": первая часть — агрессия, поэта преследует злой дух;

вторая часть — идиллия и урбанизм; крестьяне увлекают за собой горожан;

третья часть — одиночество, женщина покидает героя;

четвертая часть — фатум: герой ускользает от недругов, вновь обретает возлюбленную, но радость скоротечна, враги неслетны, и торжествует рок.

Такая обобщенная, абстрактная программа не случайна. В "Мемуарах" Мясин пишет: "Когда в мае 1939-го балет был впервые показан, он, к сожалению, слишком соответствовал историческому моменту, который мы переживали. Духовная жизнь, казалось, быстро разрушалась под жестоким колесом тоталитаризма..."

Соавтором балетмейстера стал гениальный Анри Матисс, с которым Мясин еще в 1920 году создал в Дягилевской антрепризе "Песнь соловья" на музыку Стравинского. Следует отметить неизменную безошибочность выбора Мясиним декораторов своих постановок: Бакст, Добужинский, Бенуа, Ларионов, Гончарова, Пи-

кассо, Брак, Дерен, Дали, Якулов, Миро, Дюфи, Челищев, Люрса — целая сценографическая энциклопедия нашего века.

Фигура Анри Матисса, художника, владевшего с абсолютной свободой линией и цветом, обладавшего абсолютным "живописным слухом", была, конечно, единственной и неповторимой. Матисс вспоминал: "...Новую постановку я воображал как мощную подвижную фреску, а Матисс предложил истолковать музыку Шостаковича в пяти основных цветах — белом, черном, синем, желтом и красном". Сохранились изумительной красоты цветные эскизы декора и костюмов, но трудно воспроизвести их в черно-белом варианте. Зато удалось раздобыть редчайший буклет гастролей труппы Монте-Карло с балетом "Красное и черное" (другое название балета — "Странная фарandola"), и именно из этого буклета мы воспроизводим рисунок Анри Матисса — своего рода графическую вариацию его легендарного "Танца".

Художественные идеи дуэта Мясин — Матисс не остались в забвении, а разными путями были осмыслены хореографами следующих поколений — Бельским, Бежаром, Килианом, Ноймайером.

Вадим КИСЕЛЕВ.